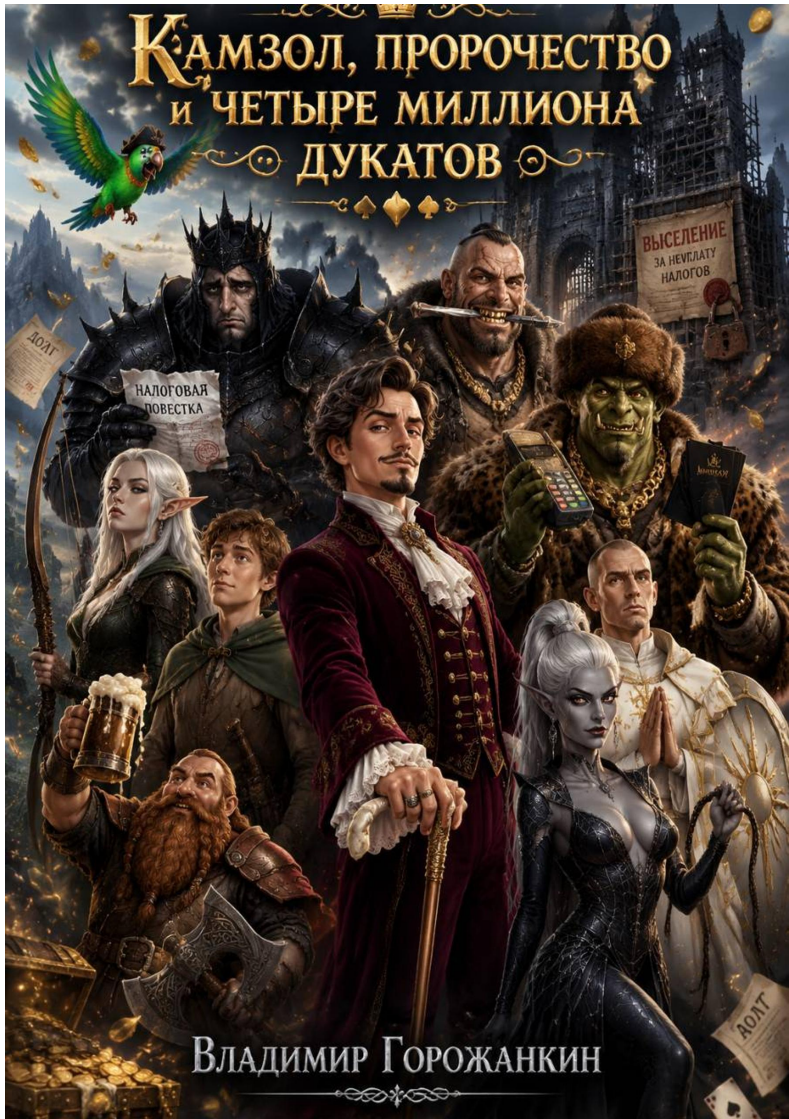

КАМЗОЛ, ПРОРОЧЕСТВО и ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА ДУКАТОВ

ВЛАДИМИР ГОРОЖАНКИН

Владимир Горожанкин

Камзол, пророчество и четыре миллиона дукатов

<https://litres.ru/74672347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приветствую, плебеи и редкие ценители истинного столичного шика! Перед вами не просто потрёпанная рукопись, а мой очень личный, пропитанный ароматом бергамота дневник, в котором задокументировано, как я - граф Людвиг Фридрих Эрдманн фон Вестфален цу Шварценштайн Третий - в одиночку спасал эту бездарную вселенную. Мне пришлось тащить через полмира бродячий цирк из деревенского Избранного без мозгов, высокомерной эльфийки, немытого гнома и жреца-мазохиста. Мы месили орков, грабили гномьи банки, уклонялись от божественного налогового аудита и укрощали драконов силой оперного пения. В итоге я умудрился не просто выжить, но и приватизировать сердце самой деспотичной и роскошной Королевы Тёмных Эльфов, попутно возглавив теневую экономику Среднеземья. Купите этот шедевр высокой драматургии прямо сейчас по уникальной, сниженной цене - мне срочно нужны три серебряных дуката на новый флакон

лавандовой воды и батистовые платки, пока моя обожаемая супруга не заперла меня на очередной ночной аудит!

Содержание

15-й день месяца Увядания Роз (или какого-то там ещё, какая разница)	6
16-й день месяца Увядания Роз (хотя в этих широтах уже вовсю смердит Увяданием Разума)	9
17-й день месяца Увядания Роз (хотя в этих сырых коридорах увядают последние остатки моего хладнокровия)	13
18-й день месяца Увядания Роз (хотя теперь это скорее Месяц Абсолютного Сюрреализма)	17
19-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Крупного Мошенничества)	21
20-й день месяца Увядания Роз (хотя впору назвать его Днём Абсолютного Политического Сюрреализма)	25
21-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Бешеных Собак и Дешёвой Контрабанды)	29
22-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Кровавых Разборок и Неликвидных Активов)	33
23-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в День Кулинарно-	37

Криминального Дефолта)	
24-й день месяца Увядания Роз (хотя в пору переименовать его в День Спасения Высокой Моды От Полной Деградации)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Горожанкин Камзол, пророчество и четыре миллиона дукатов

**15-й день месяца Увядания
Роз (или какого-то там
ещё, какая разница)**

Если этот мир действительно катится в бездну, то у бездны крайне дурной вкус.

Меня зовут Людвиг Фридрих Эрдманн фон Вестфален цу Шварценштайн Третий, и сегодня я официально признаю, что семейное проклятие - это не склонность к ранней лысине, а тотальная неспособность сказать «нет» в приличном кабаке. В итоге вместо того, чтобы дегустировать тридцатилетний «Нектар Вальхаллы» в уютном кресле у камина, я сижу на подгнившем бревне посреди Проклятого Леса. Вокруг пахнет мокрой псиной, дешёвым элем и грядущим апокалипсисом.

Мой изысканный бархатный камзол глубокого винного оттенка - вещь, между прочим, ручной работы столичных мастеров - безвозвратно испорчен пятном от жирной по-

хлёбки. И посадил его не кто иной, как наш «Избранный».

Позвольте представить шваль, с которой мне предстоит спасти это недоразумение, именуемое обитаемой сушей:

Торвальд, Избранный (согласно какому-то пророчеству на куске грязной кожи). Парнишка из глухой деревни. У него кристально чистая душа, пустой взгляд и полное отсутствие зачатков интеллекта. Нашли его, разумеется, за плугом. Великий Пророк (который на поверку оказался обычным городским сумасшедшим) вручил ему ржавый кусок железа, гордо названный «Мечом Судьбы». Торвальд постоянно спотыкается о собственный плащ, пафосно смотрит на закат и регулярно заводит монологи о чести. От его речей у меня сводит челюсть сильнее, чем от недозрелых лимонов.

Эланиэль, Прекрасная Дева из Лесного Света. Эльфийская принцесса в изгнании. Если верить легендам, её народ - средоточие мудрости и грации. На деле Эланиэль - высокомерная истеричка с луком, которая тратит по три часа у каждого ручья, чтобы идеально уложить волосы, и отказывается спать на земле без шёлковой подушки. Она веган. Вчера она устроила часовую истерику из-за того, что Торвальд случайно наступил на «очень редкую и ранимую» ромашку. При этом пристрелить парочку разбойников для неё - утренняя разминка.

Громм, Сын Бороды, Мастер Топора. Каноничный гном. Весь его лексикон состоит из трёх слов: «золото», «эль» и «размазжу». Он не мылся со времён Первой Эпохи, и от него

разит так, что дикие звери обходят наш лагерь по дуге в три мили (единственный плюс его присутствия). Громм постоянно ищет, оскорбили ли его гномью честь. Сегодня утром его честь оскорбила моя шёлковая шейная косынка. Боюсь, если он попытается её съесть или разрубить, мне придётся применить магию высшего порядка - например, спрятать его флягу.

Брат Бенедикт, Праведный Щит. Жрец какого-то невероятно грозного бога солнца и справедливости. Бенедикт так усердно молится, что, по-моему, уже натёр мозоли на коленях. Каждое наше действие он сверяет со Священным Писанием, а если совершает грех (например, съедает лишний кусок бекона), то начинает самозабвенно пороть себя флюгель-плетью за палаткой. Это жутко отвлекает от чтения стихов.

И вот этот бродячий цирк - последняя надежда человечества. Тёмный Властелин, если у него есть хотя бы капля самоуважения, должен умереть от смеха ещё на дальних подступах к своей Цитадели Страха.

Торвальд только что снова зажёг костёр и пытается читать стихи собственного сочинения в честь Эланиэль. Эльфийка делает вид, что у неё мигрень, а гном пытается поймать и зажарить летучую мышь.

Мир определённо обречён. Но пока у меня остался хотя бы один чистый носовой платок и флакон лавандовой воды, я встречу этот апокалипсис со вкусом.

16-й день месяца Увядания Роз (хотя в этих широтах уже вовсю смердит Увяданием Разума)

Если бы меня спросили, каков на вкус первый шаг к спасению человечества, я бы ответил: он отдаёт золой, сырой свиной и полным крахом моих представлений о тактическом планировании.

Вчера вечером наш сияющий Избранный, Торвальд, наконец-то закончил декламировать свои чудовищные вирши, посвящённые эльфийской принцессе (рифмовать «звезда» и «узда» в приличном обществе запрещено эдиктом короля от 1442 года, но откуда мальчику из деревни знать такие тонкости). Вдохновлённый собственным красноречием, он объявил, что Меч Судьбы указывает нам путь. Путь, разумеется, лежал через Зброшенны Катакомбы Скорби и Ужасного Упокоения.

Я робко заметил, что приличные люди обходят места с названием «Ужасное Упокоение» по тракту, где есть постоянные дворы с чистыми простынями. Но Брат Бенедикт тут же разрыдался от праведного восторга, заявил, что это «испытание духа», и принялся с удвоенной силой хлестать себя плёткой. Гном Громм прорычал что-то про «золото мертвецов» и пообещал разможить череп любому, кто откажется идти. Эла-

ниэль просто одарила меня взглядом, каким благородные дамы смотрят на слизняка на дорогом ковре, и пошла укладывать лук в чехол.

В общем, мы пошли.

Сказать, что Катакомбы Ужасного Упокоения не оправдали моих ожиданий - значит ничего не сказать. Никакого величия древней готики. Обычная, банальная, сырая дыра в земле, залитая слизью. Мои сапоги из телячьей кожи, которые я так нежно полировал воском перед выходом из столицы, теперь выглядят как куски болотного дёрна.

Неприятности начались сразу же, как мы переступили порог.

Торвальд, шедший впереди с пафосно поднятым факелом, умудрился наступить на нажимную плиту. Знаете, такую классическую, огромную, на которой за три версты написано: «СЮДА НЕ ЖАТЬ». По всем канонам дешёвых легенд, на нас должна была обрушиться каменная глыба или вылететь туча отравленных стрел. Но, видимо, у архитекторов этого подземелья тоже был кризис жанра.

Сверху упала сетка, набитая агрессивными, голодными и крайне невоспитанными летучими мышами-вампирами.

Что сделала наша доблестная партия спасителей?

Избранный с криком «За свет и справедливость!» попытался выхватить Меч Судьбы, но тот застрял в ножнах (видимо, заржавел от утренней росы). В итоге Торвальд просто запутался в собственном плаще, упал на гнома и затушил

факел.

Гном Громм, оказавшись под тушей Избранного, решил, что на него напали эльфы. Он начал вслепую махать топором, крича: «За бороду моей бабушки!», и едва не оторвал Бенедикту половину его праведного зада.

Брат Бенедикт вместо того, чтобы изгнать тьму молитвой, упал на колени и начал громко каяться в том, что в три года украл у соседской девочки сушёную грушу. Мыши ползали по его лысине, а он кричал, что это «кара за грушевый грех».

Эланиэль проявила истинную эльфийскую грацию. Она запрыгнула мне на плечи. Мне! На мой несчастный, многострадальный винный камзол! И оттуда начала визжать так, что у меня едва не лопнули барабанные перепонки. Когда я вежливо попросил её сойти, эта высокомерная особа заявила, что от моих плеч «пахнет элитарным высокомерием», а у неё аллергия на плебейские панические атаки.

В итоге спасти эту суверенную глупость пришлось мне. Я просто зажёг на кончике пальца небольшое, аккуратное закливание Истинного Гламура - оно даёт яркий фиолетовый свет и стойкий запах дорогого парфюма с нотками бергамота. Мыши, обладающие, как выяснилось, куда более тонким чувством прекрасного, чем вся моя партия, в ужасе разлетелись от этого амбре.

Сейчас мы сидим в крошечной тьме посреди первого яруса. Торвальд пытается наощупь отыскать свои штаны, которые с него стянул гном в пылу «сражения». Громм пьёт эль

прямо из горла и утверждает, что это была спланированная засада Тёмного Властелина. Эланиэль чистит ногти стрелой.

А я сижу на обломке какого-то саркофага, пишу эти строки при свете магической искры и думаю: если Тёмный Властелин узнает, с кем он воюет, он просто закроет свои ворота на засов и уедет в отпуск. Потому что штурмовать его цитадель эта банда пойдёт через парадный вход, перепутав его с трактиром.

17-й день месяца Увядания Роз (хотя в этих сырых коридорах увядают последние остатки моего хладнокровия)

Мы углубились в этот подземный кошмар примерно на триста шагов, две истерики Эланиэль и одиннадцать молитв Брата Бенедикта. Сапоги окончательно превратились в элемент археологических раскопок, но самое страшное ждало нас впереди - огромный, пафосный зал с готическими сводами, посреди которого...

О, боги эстетики, посреди этого филиала сырости и плесени обнаружилась дева. Весьма красивая дева.

Она сидела на резном каменном троне, идеально подсвеченная каким-то совершенно необъяснимым, драматическим лучом света, падающим прямо сквозь потолок (в тридцати метрах под землёй, заметьте). На ней было белоснежное шёлковое платье, на котором - я клянусь своими фамильными запонками! - не было ни единого пятнышка грязи. Её золотые локоны ниспадали на безупречные плечи, а фарфоровая кожа практически светилась.

Она выглядела как ожившая иллюстрация из дешёвого рыцарского романа, который томные девицы читают под оде-

ялом. В воздухе вокруг неё даже явственно пахло розами и ванилью, полностью перебивая амбре немытого гнома.

Реакция нашей швали была предсказуема до тошноты:

Торвальд мгновенно уронил Меч Судьбы (тот с противным звоном отскочил от камней и едва не отрубил Избранному палец на ноге). Парень упал на одно колено, прижал руки к груди и выдал: «О, небесное создание! Чьё нежное сердце томится в этой обители тьмы? Я пришёл спасти тебя!»

Брат Бенедикт тут же заподозрил суккуба. Он зажмурился, начал истово креститься святым щитом и бормотать: «Изыди, искушение плоти, я не смотрел на её щиколотки, это был просто блик света, о Великое Солнце, прости мои грешные очи!»

Громм на всякий случай покрепче перехватил топор и проворчал, что у бабы «подозрительно мало бороды для приличного подземного жителя», а значит, доверять ей нельзя.

Эланиэль смерила незнакомку профессиональным взглядом оценщика, фыркнула и громко заметила, что шёлк у неё искусственный, а золотой оттенок волос - результат дешёвой магии, а не хорошей генетики.

Я же просто стоял и наслаждался абсурдностью мизансцены. Прекрасная дева медленно, с невероятным изяществом приоткрыла свои бездонные голубые глаза, томно вздохнула и произнесла голосом, способным растопить ледники:

- Наконец-то... Мой Избранный явился. Я ждала тебя три-

ста лет, чтобы передать...

И тут её безупречный, отрепетированный веками монолог прервался самым постыдным образом. Дева оглушительно, раскатисто чихнула.

Похоже, триста лет в сырых катакомбах без отопления и в одном шёлковом платье не проходят бесследно даже для вековых пророчеств.

- Апчхи! - повторила она, и из её идеального точёного носика вырвался совсем не королевский шмыг. - Ой, простите... Короче, чуваки, у вас платка не найдётся? Тут такой сквозняк из нижних ярусов, у меня уже третий день соплю ручьём, а этот чёртов трон ещё и ледяной, я себе точно всё застудила...

Вся магия момента испарилась быстрее, чем эль из кружки Громма. Торвальд так и застыл на одном колене с открытым ртом, разбитый суровой реальностью хронического насморка.

Разумеется, единственный, у кого с собой оказался чистый батистовый платок с вышитой монограммой, был я. Я благородно шагнул вперёд и протянул его плачущей от простуды деве. Эстетика пала жертвой сквозняка.

Сейчас мы сидим у подножия её трона. Дева, которую, как выяснилось, зовут леди Селестия (но для своих просто Селя), завернулась в походный плащ Торвальда, пьёт из горла гномье курево от кашля и хриплым басом пересказывает нам вторую часть пророчества, периодически прерываясь на ка-

шель. Торвальд выглядит так, будто у него отобрали любимую игрушку.

Похоже, к нашему бродячему цирку только что официально присоединился пятый участник. Смертельно простуженная Хранительница Древних Тайн. Спасение мира становится всё более... сопливым.

18-й день месяца Увядания Роз (хотя теперь это скорее Месяц Абсолютного Сюрреализма)

Если вы думаете, что простуженная дева на ледяном троне - это пик абсурда, значит, вы никогда не путешествовали со «спасителями мира». Реальность обладает потрясающим свойством: когда тебе кажется, что дно уже пробито, снизу вежливо стучат.

Леди Селестия, укутанная в пахнущий костром плащ Торвальда, как раз заканчивала хрипеть суть пророчества. По её словам, Тёмный Властелин (для друзей - Малакор Ужасный) собирает армию тьмы, чтобы погрузить мир в вечный хаос, плохой вкус и дешёвый трикотаж. Классика. Чтобы остановить его, Избранный должен был получить от Сели древний артефакт - Сердце Всевластия.

Торвальд, вновь обретший дар речи и пафосный настрой, протянул дрожащие руки:

- О, дева! Я готов принять это бремя! Где этот великий камень? В короне древних королей? В рукояти священного молота?

Селестия хмыкнула, залезла рукой куда-то под подол своего белоснежного шёлкового платья и... вытащила обычный

смятый бумажный конверт с сургучной печатью. На нём ко-
ржавым почерком было написано: «Людвигу Фридриху Эрд-
манну фон Вестфален цу Шварценштайн Третьему. Лично в
руки. Срочно».

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как Брат
Бенедикт истово перебирает чётки, пытаясь изгнать из мыс-
лей шёлковый подол Селестии.

- Это что? - безглаголиво спросил я, принимая конверт двумя
пальцами.

- Сердце Всевластия, - шмыгнула носом Селя. - Точнее,
закладная на него. Слышь, граф, или кто ты там... Твой де-
душка, Людвиг Первый, триста лет назад проиграл этот ар-
тефакт в покер моему боссу - Древнему Духу Катакомб. И
оставил расписку. Мой шеф сказал, что пока Вестфалены не
вернут долг с учётом инфляции и набежавших процентов,
никакого спасения мира не будет. Апокалипсис заморожен
по причине бюрократического ареста имущества.

Я вскрыл конверт. Внутри действительно лежала пожел-
тевшая долговая расписка моего покойного дедули - извест-
ного, надо признать, бабника и картёжника. Сумма долга с
учётом трёхсот лет пеней составляла... четыре миллиона зо-
лотых дукатов. Либо - эквивалент в виде чистокровных эль-
фийских скакунов, гномьей водки или «одного очень хоро-
шего винного камзола ручной работы».

Сюжет повернул в сторону, к которой нас не готовила ни
одна эпическая баллада.

Торвальд разрыдался. Прямо сел на пол и зарыдал: «Как это - арестован? А как же битва на Кровавом поле? А как же монологи перед финальным ударом?! Мне что, идти обратно к плугу?!»

Громм мгновенно сориентировался, вытащил из-за пазухи сломанные счёты и начал судорожно подсчитывать, сколько бочек пива можно купить на четыре миллиона. Узнав цифру, он попытался обнять меня и назвать «своим лучшим премиальным братом».

Эланиэль высокомерно заявила, что у эльфов эльфийские скакуны выдаются только по паспорту и только лицам с высшим происхождением, так что «эти грязные финансовые махинации её не касаются».

Брат Бенедикт объявил, что долги предков - это высший грех гордыни, и начал самозабвенно лупить себя щитом по филейной части, крича: «Икупим дедовский покер! Икупим!»

Самое прелестное во всём этом то, что Тёмный Властелин Малакор... тоже не может начать войну. Оказывается, его Цитадель Страха построена на земле, которая находится в залоге у того же самого Древнего Духа Катакомб. И Малакор сейчас сидит в своей башне, злой как чёрт, потому что судебные приставы заблокировали ему поставки орочьего провианта до погашения задолженности за водопровод.

- В общем, парни, - Селестия поднялась с трона и поправила плащ. - Спасение мира отменяется, пока Людвиг не раз-

берётся с налогами. Я иду с вами, потому что мне в этих катакомбах ловить больше нечего, отопление так и не включили, а у вас, граф, духи приятные.

Итак, наша миссия по спасению вселенной лёгким движением руки превратилась в арбитражный суд и разборки с коллекторами. Вместо штурма Цитадели Страха мы, кажется, направляемся в Главное Налоговое Управление Срединных Земель.

Если я выживу в этой налоговой декларации, я напишу об этом оперу. Оперу в фиолетовых тонах.

19-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Крупного Мошенничества)

Если бы великие стратеги прошлого узнали, что судьба вселенной зависит от ограбления Главного Сберегательного Сундука Гномов, они бы добровольно сдались силам тьмы. Но у нас не было выбора. Четыре миллиона дукатов дедовского долга сами себя не выплатят, а Тёмный Властелин, по слухам, уже подал апелляцию в Высший Суд Арбитража, чтобы ему разблокировали штурмовые башни.

Я взял инициативу в свои руки. Как человек с безупречным вкусом, я не мог допустить банального разбоя. Нам нужен был План. Гениальный, выверенный до секунды, элегантный налёт, где у каждого своя уникальная роль. Команда профессионалов.

Правда, вместо профессионалов у меня был набор антропоморфных катастроф, но я составил диспозицию на клочке пергамента:

Торвальд - «Мускулы и Отвлечение». Его задача была проста до гениальности: войти через главный вход, ослепить охрану своей лучезарной улыбкой Избранного и завести пафосный монолог о судьбах родины. Пока клерки будут рыдать от скуки или жалости, мы проникнем в хранилище.

Эланиэль - «Акробат-Взломщик». Эльфийская грация должна была помочь ей преодолеть систему защиты - лазерные растяжки из концентрированного лунного света.

Громм - «Технический Специалист». Кому, как не гному, знать секретные шифры сейфов своих сородичей?

Брат Бенедикт - «Связист и Прикрытие». Он должен был стоять на шухере у чёрного хода и сигнализировать о приближении стражи, имитируя крик раненой совы.

Селестия - «Глаза в засаде». Ей поручили держать лошадей (и вовремя вытирать нос).

Сам я, разумеется, выступал в роли Мозга и Координатора операции, руководя процессом из ближайшего приличного кафе за чашечкой цикория.

Ограбление века началось ровно в полдень. И закончилось примерно в двенадцать часов и три минуты.

Торвальд вошёл в банк, встал в позу героя и закричал: «Узрите, слуги злата! Я пришёл забрать то, что...» Но Меч Судьбы снова застрял в ножнах. Парень начал судорожно дёргать рукоять, споткнулся о коврик, влетел головой в конторку главного кассира и потерял сознание, так и не договорив речь. Клерки даже не поняли, что это налёт, и просто вызвали санитаров.

В это время на заднем дворе Эланиэль попыталась грациозно перелезть через забор. Однако её шёлковое платье зацепилось за ржавый гвоздь. Принцесса наотрез отказалась двигаться дальше, чтобы «не демонстрировать плебеям свои

эльфийские панталоны», и зависла на заборе, громко проклиная меня, гномов и всю мировую банковскую систему.

Громм, добравшись до кодового замка хранилища, внезапно вспомнил, что гномы кодируют сейфы древними рунами, обозначающими сорта пива. От нахлынувшей ностальгии он сел прямо перед дверью сейфа, достал записку эля и зарыдал, вспоминая «ту самую неповторимую горчинку урожая 1312 года». Шифр он, естественно, забыл.

Вишенкой на этом торте позора стал Брат Бенедикт. Когда к банку приблизился патруль городской стражи, Бенедикт честно попытался издать крик раненой совы. Но поскольку сову он видел только на картинках, из его горла вырвался истошный, утробный крик рожающей химеры. Стражники так испугались, что бросились бежать в противоположную сторону, но по пути наткнулись на висящую на заборе Эланиэль.

Мне пришлось спешно покинуть кафе, на ходу допивая цикорий. Применив заклинание «Иллюзия массовой распродажи», я создал видимость того, что в соседнем квартале бесплатно раздают пуховые перины. Охрана и клерки мгновенно убежали туда, что позволило мне буквально за шиворот вытащить Торвальда из-под конторки, снять эльфийку с гвоздя и забрать рыдающего гнома.

Наш улов за это «гениальное ограбление» составил: три серебряных ложки, которые Громм умудрился стащить из буфета, чужие шерстяные носки и полная корзина разбитых иллюзий Торвальда. Долг в четыре миллиона по-прежнему

на мне.

Мы сидим в сточной канаве за банком. Селестия чихает, Громм допивает эль, Торвальд прикладывает к шишке на лбу серебряную ложку. Если мы - лучшие друзья Оушена, то Оушен, должно быть, горько плачет на том свете.

20-й день месяца Увядания Роз (хотя впору назвать его Днём Абсолютного Политического Сюрреализма)

Жизнь - на редкость неизысканная штука. Когда твоя команда «профессиональных взломщиков» не способна ограбить даже сельское отделение сберегательного сундука, у тебя остаётся только один выход. Пойти на слияние активов с конкурентом. Проще говоря - объявить совместное банкротство с силами Тьмы.

Мы бросили бесплодные попытки разбоя и направились напрямиком к Цитадели Страха. К моему глубокому эстетическому разочарованию, Цитадель оказалась не величественным замком из чёрного обсидиана, а унылым серым недостроем. Вокруг летали летучие мыши, но как-то вяло, без огонька, а на главных воротах висел огромный ржавый замок и фанерная табличка: «Опечатано Федеральной Службой Судебных Приставов за долги по ипотеке. Не влезай - опишут».

Просочившись внутрь через дыру в заборе (которую Торвальд пафосно нарёк «Тайным проходом Света»), мы застали Тёмного Властелина Малакора Ужасного в Тронном Зале.

Выглядел он паршиво. Огромные чёрные доспехи с шипами сидели на нём как-то мешковато - видимо, бедолага сильно похудел на нервной почве. Он сидел на табуретке (трон тоже заложили) и под светом тусклой сальной свечки судорожно заполнял налоговую декларацию для Древнего Духа Катакомб. Руки его в латных рукавицах дрожали, расплывающаяся чернила.

Заметив нас, он вяло потянулся к огромному двуручному Топору Рока, но тот был привязан к полу бечёвкой с биркой «Имущество под арестом».

Торвальд тут же выставил вперёд ногу, эффектно взмахнул плащом (и снова задел гнома по носу) и набрал в грудь воздуха для финального монолога о победе добра над злом. Но я вежливо, но твёрдо отодвинул Избранного в сторону своей тростью с набалдашником из слоновой кости.

Я сделал элегантный шаг вперёд, поправил манжеты, изящно поклонился и произнёс:

- Властелин, я пришел договориться.

Малакор замер, медленно поднял на меня взгляд, полный экзистенциальной тоски, и хрипло спросил:

- Ты от Древнего Духа? Я же говорил, у меня нет четырёх миллионов! Орки объявили забастовку из-за задержки суточных, гоблины ушли в декрет, а замок вообще построили на земле с обременением!

- Нет, мой мрачный друг, - сочувственно улыбнулся я, присаживаясь на край его рабочего стола (предварительно

смахнув пыль носовым платком). - Я - Людвиг Фридрих Эрдманну фон Вестфален цу Шварценштайн Третий. И Древний Дух Катакомб трясёт с меня точно такую же сумму за покерный долг моего дедушки. Мы с вами, так сказать, братья по несчастью и товарищи по заблокированным счетам.

Ситуация накалилась до предела, но совсем не так, как пишут в хрониках:

Малакор Ужасный вдруг уронил голову на руки и всхлипнул. Сквозь прорези шлема полились самые настоящие слёзы. «Три века! - запричитал он. - Три века я разрабатывал План Порабощения! Купил чёрных драконов в кредит под дикий процент! И теперь судебный исполнитель Селестия говорит, что драконы конфискованы в счёт уплаты пени за водопровод!»

Селестия тут же громко чихнула и заметила: «А не надо было бассейн с лавой без счётчиков регистрировать, Малакорушка. Закон один для всех».

Торвальд стоял с таким лицом, будто у него на глазах разрушили все детские сказки. «Подождите... - пролепетал Избранный. - А как же финальная битва? А как же пророчество?! Мы не будем драться насмерть на краю бушующего вулкана?»

Громм, почуяв запах административного кризиса, уже подсел к Малакору и деловито объяснял ему, как через подставные гномы фирмы можно списать часть долгов по процедуре банкротства физических лиц.

Эланиэль копалась в конфискованных вещах Властелина, выискивая, нет ли там брендовых эльфийских вещей, а Брат Бенедикт усердно молился за спасение души Тёмного Повелителя, параллельно выпрашивая у него рецепт столь качественной чёрной кожи для садомазохистских плёток.

В общем, Тёмный Властелин оказался вполне вменяемым налогоплательщиком, попавшим в кабалу к бюрократам. Мы просидели в его Цитадели до глубокой ночи, разрабатывая план. Не план захвата мира, разумеется, а схему реструктуризации долга и фиктивного слияния Корпорации Зла с моим фамильным фондом.

Кажется, завтра мы всей толпой, включая Главного Злодея Континента, идём подавать заявление на коллективный дефолт Срединных Земель. Если Древний Дух Катакомб думал, что четыре миллиона дукатов - это его победа, то он ещё просто не общался с моим адвокатом.

21-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Бешеных Собак и Дешёвой Контрабанды)

Если вы думаете, что объединение сил Света и Тьмы ради подачи заявления на коллективное банкротство - это финал нашей трагикомедии, то вы недооцениваете степень хаоса в Срединных Земельях.

Сегодня утром наш консорциум обнищавших спасителей и одного депрессивного Властелина Зла заседал в придорожном кабаке «Грязный Хряк». Мы с Малакором лениво потягивали паршивый эль (я предварительно продезинфицировал кружку заклинанием), пока гном Громм рисовал на грязной салфетке схему уклонения от налогов.

И тут в кабак буквально влетел гоблин. Точнее - очень сутливый гоблин в роскошном, но явно великоватом ему бархатном пальто. В руках он сжимал тяжёлый кожаный саквояж. Звали его, как выяснилось позже, Четырёхпалый Фрэнки.

Фрэнки был курьером. И принёс он то, что должно было решить все наши финансовые проблемы, но вместо этого завязало такой узел, который распутать можно только топо-

ром. Он открыл саквояж всего на секунду.

Там, в ворохе грязных портянок, лежал Алмаз «Око Бало-ру» размером с кулак тролля и весом в 84 карата. Безупречная огранка, чистейшая вода, идеальный блеск. Настоящее произведение ювелирного искусства, способное покрыть и мой дедовский долг, и ипотеку Малакора, и ещё останется на приличный загородный особняк для меня.

- Пацаны, - зашептал Фрэнки, дико озираясь. - Я спёр его у ювелиров в Подгорном Королевстве. Мне нужно срочно переправить его в Столицу местному авторитету - Борису Бритве (его ещё называют Борис-хрен-попадёшь, потому что в него стреляешь, а он недохнет). Но за мной хвост! Подержите саквояж пять минут, я отвлеку стражу, а вы получите свою долю!

Фрэнки сунул саквояж Торвальду и выскочил в окно. И тут же, словно по щелчку пальцев, завертелся такой круговорот идиотизма, какому позавидовал бы любой столичный театр.

Торвальд сдуру решил, что алмаз - это «Камень Судьбы», предначертанный ему пророчеством. Он попытался спрятать саквояж под плащ, но, разумеется, споткнулся о ножку стула. Саквояж раскрылся, и бриллиант покатился по плеванному полу прямо к ногам Громма.

Гном Громм, увидев камень такого размера, издал ультразвуковой писк, потерял человеческий облик и прыгнул на него коршуном. Но в полёте столкнулся головой с Ма-

лакором Ужасным, который тоже решил, что этот камушек отлично компенсирует его убытки по драконьему кредиту. Раздался звон доспехов, сопоставимый с падением люстры в оперном театре.

Брат Бенедикт усмотрел в алмазе «символ гордыни и алчности». С криком «Очистимся от скверны за небольшую комиссию!» он попытался накрыть камень своим праведным щитом, но промахнулся и намертво придавил хвост кабацкому коту.

Кот взвыл, взлетел на голову Эланиэль, которая в этот момент у зеркала поправляла макияж. Эльфийка заверещала, начала вслепую стрелять из лука и пробила бочку с элем.

Пока в кабаке царила эта благословенная суматоха, у чёрного хода нарисовались три колоритных персонажа: парочка туповатых наёмников-орков из местных гетто и цыганский тролль по кличке Микки, который разговаривал на таком диком наречии, что даже всезнающая Селестия не смогла разобрать ни слова.

Эти джентльмены удачи пришли не за алмазом. Они пришли продать Малакору «не бит, не крашен, один хозяин» боевого фургончика, запряжённого парой полудохлых свиней.

В итоге: орки перепутали мешки и вместо платы за фургон схватили саквояж с алмазом. Тролль Микки всучил Торвальду вожжи от свиней. Торвальд, пребывая в перманентном шоке, согласился на сделку. А Борис Бритва, как нам только что сообщили через голубиную почту, уже нанял двух

наёмных убийц, чтобы вернуть свою прелесть.

Я сижу на перевёрнутой бочке из-под эля. Мой камзол теперь пахнет не только кислым пивом, но и кошачьей шерстью. У нас на руках: две свиньи, чужой фургон, обосранный кабаком и перспектива встречи с самым опасным гангстером Срединных Земель, у которого орки-недотёпы только что увели бриллиант века.

Где-то в Столице Борис Бритва заряжает свой арбалет. А Фрэнки Четырёхпалый, кажется, уже лишился пятого пальца. Спасение мира официально превратилось в криминальные разборки на районе.

22-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в Месяц Кровавых Разборок и Неликвидных Активов)

Если вы думаете, что благородный дворянин с безупречными манерами не способен пойти на стрелку с криминальным авторитетом, то вы недооцениваете, как сильно мне хочется вернуть дедовский долг и наконец-то купить новый камзол.

Итак, наш бродячий цирк, усиленный Тёмным Властелином и простуженной пророчицей, прибыл в Столицу. Наша цель - Борис Бритва (он же Борис-хрен-попадёшь). Нам сказали, что его можно найти в подвале мясной лавки в трущобах. Честно говоря, уровень санитарии в этом заведении заставил бы любого столичного инспектора совершить ритуальное самоубийство, но деваться было некуда.

Борис оказался массивным, мрачным мужиком со шрамом через всё лицо и взглядом человека, который жуёт ржавые гвозди на завтрак. Он как раз меланхолично рубил топором какую-то сомнительную тушу.

Торвальд, верный своему репертуару, попытался сделать пафосный шаг вперёд:

- Склонись, грешник! Перед тобой Избранный, и я пришёл...

Борис даже не поднял глаз. Он просто метнул огромный мясницкий нож, который со свистом пролетел в миллиметре от идеальной причёски Эланиэль и намертво пригвоздил плащ Торвальда к деревянной балке. Наш «спаситель мира» пискнул и затих. Брат Бенедикт тут же упал на колени и начал молиться за упокой собственной селезёнки.

Я элегантно обошёл застрявшего в текстурах Торвальда, стряхнул невидимую пылинку с плеча Малакора (тот от депрессии вообще перестал подавать признаки жизни) и вежливо произнёс:

- Борис, дорогой. Давайте пропустим ту часть, где вы пытаетесь нас расчленить, и перейдём к делу. Мы знаем, что Четырёхпалый Фрэнки потерял ваш камушек в 84 карата. И мы знаем, у кого он сейчас.

Борис медленно опустил топор. Его маленькие свиные глазки сузились.

- И у кого же, пижон?

- У парочки невероятно тупых орков-наёмников из пригорода, - вздохнул я. - Они перепутали мешки в кабаке. Сейчас они, скорее всего, сидят на своей свиноферме, пытаются расколоть ваш алмаз орехоколом и искренне не понимают, почему он не колет. Мы предлагаем альянс. Мы помогаем вам вернуть «Око Балору» и замесить этих зеленокожих недотёп, а вы... списываете нам долги перед вашими подстав-

ными конторами и даёт Малакору беспроцентную отсрочку по ипотеке на Цитадель Страха.

Борис Бритва молчал примерно минуту. Было слышно, как Селестия пытается сдержать чих, а Громм тихонько ворует с прилавка свиную сосиску. Наконец, Борис ухмыльнулся, обнажив золотые зубы:

- Месить орков? О, это я люблю. Эти придурки задолжали мне за аренду фургона. Идёмте. Но если камушка там не окажется, я скормлю вас свиньям. Прямо вместе с вашим блестящим Властелином.

Малакор в ответ лишь тяжело вздохнул: «Свиньям так свиньям... Главное, чтобы там не было налоговых инспекторов».

Диспозиция перед грядущей битвой века выглядит потрясающе:

Борис Бритва идёт впереди, вооружённый четырьмя топорами, тремя арбалетами и пулемётным настроем (хотя пулемётов в нашем таймлайне ещё не изобрели, его аура транслирует именно это).

Торвальд штурмует свиноферму с криком «За справедливость и Бориса!», окончательно запутавшись, на чьей он стороне.

Громм и Малакор обсуждают по дороге, можно ли пустить орков на фарш для пельменей и сэкономить на провианте для армии тьмы.

Эланиэль страдает, потому что на свиноферме «ужасное

освещение для её эльфийского профиля».

Мы выдвигаемся на свиноферму. Если верить Борису, орки - это не самые опасные твари там. Самое опасное - это голодные свиньи местного цыганского тролля Микки. А я просто надеюсь, что во всей этой заварушке никто не испачкает мой батистовый платок.

23-й день месяца Увядания Роз (хотя впору переименовать его в День Кулинарно- Криминального Дефолта)

Штурм свинофермы орков войдёт в анналы военной истории как величайший триумф дурного вкуса и абсурда.

Мы прибыли на место на рассвете. Свиноферма встретила нас покосившимися деревянными бараками, ароматом навоза, способным свалить с ног дракона, и засадой зеленокожих. Как только Торвальд пафосно занёс ногу над трухлявым забором, чтобы прокричать что-то про карающий меч правосудия, из окон барака высунулись три орочьих рыла с тяжёлыми крепостными арбалетами.

И вот тут Борис Бритва показал, почему в криминальных кругах Срединных Земель его уважительно величают Борис-Хрен-Схлопочешь.

Раздался оглушительный треск тетивы. Три массивных арбалетных болта, способных пробить латы Малакора, полетели прямо в Бориса. Время словно замедлило свой ход (возможно, это было какое-то убогое шаманское заклинание, но выглядело эффектно).

Борис, меланхолично жуя зубочистку, отклонился назад

под совершенно неестественным углом - его спина оказалась буквально в паре дюймов от грязной лужи. Батистовые полы его пальто красиво взметнулись вверх. Один болт срезал пуговицу на его жилете, второй просвистел над кончиком носа, а третий Борис просто... поймал зубами, перекусил пополам и выплюнул в сторону орков со словами: «И это всё, на что способны ваши бюджетные зубочистки?»

- Почему его зовут Хрен-Схлопочешь? - ошалело прошептал Торвальд, чьи глаза стали размером с дукаты.

- Да потому что в него хрен схлопочешь, парень, - лениво ответил я, поправляя воротник. - У него в роду, кажется, были горные цепкие слизни и балетмейстеры столичного театра.

Вдохновлённый этим перформансом, наш бродячий цирк ринулся в бой:

Малакор Ужасный от безысходности просто шёл напролом. Орки пуляли в него из луков, но стрелы уныло отскакивали от его арестованного доспеха. Властелин лишь вздыхал: «Если меня убьют, кто будет платить пеню за водопровод? Расступитесь, нищелюбы».

Гном Громм ворвался на орочью кухню, обнаружил там чан с квашеной капустой и забаррикадировался внутри, решив, что это его законная военная добыча.

Эланиэль забралась на крышу свинарника и оттуда брезгливо отстреливала орков, параллельно жалуясь, что поросёнок визг фальшивит в си-бемоле.

Брат Бенедикт умудрился запутаться в верёвке для сушки белья и теперь бегал по двору, похожий на праведное привидение в семейных панталонах орочьего вождя, наводя ужас на местный скот.

Через десять минут всё было кончено. База орков лежала в руинах, выжившие зеленокожие испуганно жались к забору, а Борис Бритва обыскивал саквояжи в поисках нашего алмаза. Камушка, к слову, нигде не было - эти гении тактического уклонения умудрились запереть его в главном сейфе, ключ от которого лежал... правильно, у их босса.

И тут из главного, самого большого и пахучего свинарника вышел он.

Король орков. Цыганский барон местного разлива. Микки.

Он только что проснулся. На нём были леопардовые шкуры поверх грязной майки, три золотые цепи толщиной с якорный канат и огромная меховая шапка. Микки сладко зевнул, почесал пузо и выдал длинную, экспрессивную тираду на своём фирменном наречии:

- Чавела-галэ-бахтале-шмурдяк-на-вынос-ты-кого-привёл-бритва-сточилась-почём-свинья-в-базарный-день?!

Селестия, которая к этому моменту уже выпила всю мою лавандовую воду от простуды, перевела:

- Он говорит, что вы нарушили суверенитет его свинофермы, Борис. И предлагает решить вопрос как цивилизованные орки-цыгане. Кулачный поединок. Один на один. Если

побеждает Борис - забираем алмаз и ключи от фургона. Если побеждает Микки... Борис отдаёт ему своё бархатное пальто, а Людвиг - свой винный камзол.

Я похолодел. Мой камзол?! Ручной работы?! Этому немому королю навоза?!

Борис Бритва медленно снял пальто, аккуратно передал его испуганному Торвальду, хрустнул костяшками пальцев так, что с крыши свинарника упала последняя черепица, и угрюмо произнёс:

- Я согласен. Давай сюда своего цыгана. Я сделаю из него отбивную.

Они вышли в центр двора. Вокруг них собрались орки, свиньи, эльфийская принцесса и Тёмный Властелин. Ставки сделаны, господа. Если Борис-Хрен-Схлопочешь пропустит хотя бы один удар от этого леопардового недоразумения, спасение мира закончится тем, что я останусь без верхней одежды в разгар сезона Увядания Роз. А этого моя тонкая душевная организация точно не переживёт.

**24-й день месяца Увядания Роз
(хотя впору переименовать
его в День Спасения Высокой
Моды От Полной Деградации)**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.